

РУМЯНЦЕВСКИЙ КРУЖОК И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛАВЯН

И. А. Грищенко, Е. А. Бугаева

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

О зрелости национального сознания свидетельствует историческое самосознание народа, – наличие не мифа, не патетики, а именно критическое осмысление исторической судьбы народа. Начало XIX в. для России было временем творческого подъема. Крепнет «славянофильская» оппозиция, не столько национально-психологическая, сколько культурно-творческая. Это было время пробуждения сердца, но еще не пробуждения мысли. Состояние исторических знаний в России в начале XIX в. сильно хромает. Даже на уровне Министерства народного просвещения считалось, что для русской истории до Петра Великого хватит и одной страницы [2, с. 135]. О равнодушии к собственной истории говорит тот факт, что памятники древнерусской литературы, подготовленные Румянцевским кружком и вышедшие тиражом всего в 600 экземпляров, оставались нереализованными всю первую половину XIX в. [2, с. 32].

Великой заслугой Николая Петровича Румянцева является создание бесценного фонда памятников книжной культуры. Истоки этой страсти Н. П. Румянцева – археологическая школа историографа Г. Ф. Миллера – немца, принявшего российское подданство и ставшего при Екатерине II начальником Московского архива Коллегии иностранных дел. Его основу составил архив Посольского приказа, где хранились грамоты с XII в.

Румянцев первый отнесся к объекту своего покровительства с «рвением истинного адепта». При многочисленности отраслевых разделов первое место в собрании занимали книги по отечественной истории. Делом жизни графа Румянцева было не только коллекционирование книг, но и содействие их изданию. Для реализации своих проектов Н. П. Румянцеву необходим был круг единомышленников-профессионалов, которые и составили ядро так называемого Румянцевского кружка. Это были ученики Г. Ф. Миллера Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, И. Ф. Стриттер, позже присоединятся К. Ф. Калайдович, П. М. Строев. В постоянном общении с рабочей группой кружка находились московские профессора М. Т. Каченовский, И. М. Снегирев, Р. Ф. Тимковский, епископ Калужский Евгений (Болховитинов). Директор Императорской Публичной библиотеки, президент Академии художеств А. Н. Оленин привлек к работе в библиотеке Крылова, Батюшкова, Гнедича, Дельвига [4, с. 94]. Материалы собирались не только на территории России, но и за ее пределами. Доктор философии Дерптского университета К. И. Шульц был отправлен в Пруссию, где он скопировал переписку между великим князем Василием Иоанновичем и маркграфом Бранденбургским Альбрехтом, магистром Ливонского ордена. Дипломат И. О. Штрандман в библиотеках Рима и Флоренции скопировал документы периода Смутного времени. Несмотря на служебные разногласия С. Р. Воронцов по старой дружбе работал в Англии с актами Посольского архива. В малодоступной Венской Императорской библиотеке с помощью слависта В. Копитара отысканы сотни материалов, относящиеся к истории русско-польско-литовских отношений XV в. В Варшаве бывший секретарь Румянцева К. И. Буссе составил списки с актов «Литовской метрики» [4, с. 119–126].

«Собрание государственных грамот и договоров» – одно из самых известных и значимых изданий Румянцевского кружка. Первая часть труда вышла 22 июля 1813 г., но и она могла не увидеть свет, если бы не самоотверженность работников Московского архива во время эвакуации из Москвы в 1812 г. Архив с денежными суммами был переведен во Владимир, а потом в Нижний Новгород. По дороге деньги были выкрадены и Румянцеву пришлось вновь вносить взнос на издание, которое высоко оценил Н. М. Карамзин, отмечавший, что «патриотическое самопрославление уступило теперь

место национальному самопознанию» [4, с. 84]. Ближайшая задача русской исторической науки видится в критическом изучении источников, и Румянцев одним из первых сориентировал русскую историографию в методологии исторического знания, проводя, например, сличение летописи Нестора с иностранными источниками. Этому принципа придерживался Р. Ф. Тимковский при подготовке Нестеровой летописи к изданию и, в отличие от ее первого издателя А. Шлецера, отказался «сочинять» подлинного Нестора [2, с. 136].

В поисках старинных манускриптов Н. П. Румянцев сталкивался с определенными трудностями. Первоисточники были рассеяны по канцеляриям, городам, монастырям, зарубежным архивам, хранились без надзора в плохих помещениях. Часто бесценные документы находили в груде хлама, как, например, Изборник Святослава 1073 г., обнаруженный в Иосифо-Волоколамском монастыре [4, с. 104]. В поисках древних раритетов использовался метод сплошных просмотров, часто неоднократных. Этот кропотливый труд по Московской епархии дал потрясающий результат: Изборник Святослава 1073 г., Судебник Ивана III, сочинения Иоанна Дамаскина, Максима Грека, поучения Кирилла Туровского, материал по истории России XV–XVI вв., летописный свод 1534 г. В собрании Румянцева было около 200 старопечатных книг кирилловского шрифта, среди которых издания Франциска Скорины и Ивана Федорова, Евангелие 1553–1554 гг., отпечатанное в Москве в так называемой анонимной типографии. В 1822 г. в Гомеле граф приобрел Острожскую Библию (1580), редкий экземпляр вирш Кассиана (Саковича) на погребение Петра Сагайдачного (Киев, 1622), «Грамматику» Мелетия Смотрицкого (1648).

Вершиной археологических изысканий стала серия экспедиций в западные губернии России. В одном из монастырей Полоцка обнаружится Добрилово Евангелие 1164 г., в монастыре Гродненской губернии – Супральская летопись, в Гродно удалось напасть на след архива Сапегов. Во время войны 1812 г. пострадал Радзивилловский архив, – солдаты резали пергамент и подтачивали на подтяжки, с грамот срывали и похищали печати [4, с. 109–110].

Составить обозрение архивов белорусских монастырей, опись актов всего Северо-Западного края Н. П. Румянцев поручил гомельскому священнику Ивану Ивановичу Григоровичу (1792–1852). В 1815 г. Николай Петрович помог Ивану Ивановичу продолжить образование, направив его за свой счет на учебу в Петербургскую духовную академию. Впоследствии Григорович стал правой рукой Румянцева по археологическому обследованию Белоруссии. С весны 1817 г. ему было поручено выполнить перевод с исторических сочинений на латинском, польском, греческом языках. В январе 1819 г. И. И. Григорович переводил послания известного историка книги Г. С. Бандтке. Также был произведен перевод «Истории Фиоля». По просьбе отца И. И. Григорович отказывается от карьеры ученого и занимает место отца в храме, что несколько расстроило Румянцева [3, с. 209]. Впрочем, о. Иоанн не оставил науку, специализируясь на краеведческом материале. Канцлер добыл для Григоровича разрешение работать с архивами Могилева и Мстиславля. В 1824 г. на средства Румянцева издана первая часть «Белорусского архива древних грамот», подготовленная о. Иоанном. Было обследовано более 30 государственных, частных и церковных хранилищ, составлено несколько тысяч копий документов [3, с. 211]. Белоруссия (Гомель, Полоцк, Вильно) стала, наряду с Москвой и Петербургом, третьим российским научным центром Румянцевского кружка.

Более сорока изданий успел осуществить Н. П. Румянцев. Его библиотека включала в себя уникальное собрание рукописей – 810 единиц хранения. Всего в библиотеке насчитывалось 28512 томов [1, с. 116–118]. К 1815 г. библиотека Румянцева по данным трех, сохранившихся в НИОР РГБ, рукописных каталогов насчитывала 4963 названия книг, изданных с 1469 г. до 1816 г. и составила 34 раздела [3, с. 182].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбаум, И. Е. Книжный Петербург / И. Е. Баренбаум. – Москва : Книга, 1980. – 225 с.

2. Клейменова, Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века / Р. Н. Клейменова. – Москва : Наука, 1991. – 240 с.
3. Молчанов, В. Ф. Книжная культура России XIX века. Эпоха, судьба, наследие Н. П. Румянцева / В. Ф. Молчанов. – Москва : Пашков дом, 2006. – 468 с.
4. Сараскина, Л. И. Граф Н. П. Румянцев и его время / Л. И. Сараскина. – Москва : Наш дом, 2003. – 168 с.